

Кукольный театр

Данис Маннапов

Данис Маннапов

Кукольный театр

«Автор»

2026

Маннапов Д.

Кукольный театр / Д. Маннапов — «Автор», 2026

Талантливый, но пока неизвестный писатель. Из глубинки один в столице, без родных и друзей. Мировая слава и баснословные гонорары, сулящие безбедную жизнь, кажутся вопросом времени. Но не они занимают всё его существо и душу. Он влюблен, до беспамятства влюблён. Влюблён в юную актрису, слишком яркую, как она сама выражается, для местных театров. Но он убеждён, что её уже жаждут заполучить лучшие сцены Мира. Хочет быть с ней вместе в любом качестве и готов положить к её ногам всё, что у него есть или будет, даже саму жизнь.

© Маннапов Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Данис Маннапов

Кукольный театр

Глава

Чёртова лужа. Откуда тебе взяться? Вот, пожалуйста, ты только погляди! Брюки вымокли, в липкой грязи, а в ботинки набралась ледяная вода. Давно было пора сменить обувь на новую. Эти прохудились и моляще-жалобным видом просились на свалку. Но где ж взять на них деньги? Всё уходило на Сьюзен. На свидания, походы с ней в её любимый ресторан со слепящими хрусталём пудовыми люстрами и пьянящим дымом заморских сигар, на покупку новомодных, утончённых, лайковых перчаток из мягкой искусно выделанной кожи... И духи.

Ах, Сьюзен! Зачем я опять подумал о Вас? Каждая мысль о Вашем милом личике, окаймленном рыжим всполохом кудрей, Вашем тонком профиле, изящном стане, маленьких, почти детских пальчиках... Ах! Я на взводе, одна и та же мысль всё кружится и кружится в бесконечном колесе, словно белка, не имея начала и конца, вгоняя всю мою измученную душу в удушную круговерть. Чугунная голова завывает от боли и звона в ушах. Словно неподъёмный колокол - гудит и содрогается от бьющейся о бетонные стены мысли. Она просится наружу, но не ходит выхода. И бьётся с каждой секундой всё сильнее и сильнее, принося нестерпимые страдания. Вы всегда мне говорили, что мечтаете стать актрисой. Но из-за театральной волокиты и похабных продюсеров, у которых одно на уме, Вы до сих пор не всемирная звезда. Вам должны рукоплескать на лучших сценах этого скромного Земного шара. Ах, Сьюзен! Я верю, что вот-вот это случится. О, нет... И когда это произойдёт, все мужчины этой недостойной Вас планеты будут с воодушевлением глядеть на Вас, Вы будете мне казаться ещё красивее и желаннее. Все, без исключения, будут влюблены в Вас. И миллионы поклонников возложат к Вашим ногам горы прекрасных цветов и своё состояние. Я буду изнывать от ревности. Я сойду с ума...

Ещё с час назад, Сьюзен, Вы были моей. По крайней мере, я так полагал. Я был на пике блаженства от упоительного чувства, что Вы принадлежите только мне, и более никому на Свете. Рядом с Вами я забывал дышать, боясь Вас спугнуть, как редкого мотылька, который вылетает из укромного, никому неведомого тайника раз в год, и то лишь на несколько часов под покровом чернильной ночи, когда звёзды закрывают глаза и перестают сиять, а луна поворачивается спиной, становясь невидимкой. Природа замолкает и перестаёт шептаться. Даже говорливый, разухабистый ручей смолкает, укутывая звонкие бубенцы своей сбруи в тёплую, пушистую шаль. Именно в такую ночь, в полном безмолвии, парит самый прекрасный на Свете мотылёк, мнимый великим таинством любви.

Сьюзен, Вы были для меня именно тем самым мотыльком. Внутренняя, терзающая душу дрожь и непреодолимый страх иглами пронзали моё сердце, когда я только думал о Вас. В Вас влюбиться было так естественно и просто. Ах! Что же со мной творилось при взгляде на Вас? Вы себе даже не представляете! Меня начинало колотить и бросать то в ледящий и тело, и душу холод, то в испепеляющий адским огнём жар. Тело покрывалось липким ледяным потом. Ноги предательски подкашивались. Сознание мутилось. И ужасно хотелось пить. Да, да. Именно пить. Во рту случалась Сахара, а язык, разбухая, немел и не мог двигаться. Да, я лишился дара речи рядом с Вами. Мог лишь мычать и сопеть. Сердце рвалось из изглоданной страданиями груди, вздымаясь и прыгая, словно жеребец на скачках. А когда Вы подходили, оно отрывалось от привязи и падало камнем вниз, таща меня целиком, и втапывая в землю. Я уже не мог держаться на ногах, кренился и желал лишь одного - оказаться на холодной земле. Возле Ваших ног. Обнять их и целовать их, и целовать...

А вместо бедовой головы у меня – чугунный колокол с наковальней. И два таких едких удара крошечных молоточков, раздражающих каждую клетку измождённого тела. А затем бумтарарах, удар молота размером со Вселенную, словно гром, одуряющий до глухоты и ломоты за ушами. И колокол так заунывно и страшно гудит и трясётся, что из глаз брызжут обжигающие слёзы, а зубы стучат и скрежещут.

Ещё какой-то час назад я готов был на всё ради Вас, Сьюзен. Отдать всё, что у меня есть. Хотя, впрочем, что у меня есть? Кроме поношенного, местами протёртого до лоснящегося блеска костюма, с разорванным в клочья с жёлтыми пятнами подклада и двумя отсутствующим пуговицам и этих стоптанных, дырявых ботинок с лопнувшей, как моя жизнь, подошвой и узлами повязанными разноцветными шнурками.

Да, я беден, страшно беден и безумно голоден. Надо остановиться, чтобы не свалиться в сточную канаву. Как же кружится голова от одной только мысли о еде. Надобно прогнать её. Желудок сжимается в спазме. Хоть забивай его лежащими на мостовой галькой и запивай гнилостно-смердящей жижей из канавы.

Этот город мне чужд и глух. Денно и ночью я трудился месяцами, чтобы творить и претворить свою мечту в жизнь. Я измарал сотни листов бумаги под градом слёз восковых свечей, полагая, что смогу написать нечто стоящее. Словно одержимый рассылал свои рукописи в книжные издательства, потратив на конверты и марки все свои жалкие сбережения. Оббивал их пороги часами. Но всё тщетно. Получал лишь вежливые отказы в конвертах с марками, которые вкладывал в свои прошения. Я лишь очередная провинциальная бездарность, годная лишь на переписывание чужих трудов. Но затем я встретил Вас, любимая Сьюзен, и уже почти позабыл ради чего я бросил родных и друзей.

О, как Вы были счастливы, и я вместе с Вами, и даже больше Вас. Я парил, я взмывал выше седьмого Неба, когда водил Вас в ресторан. И Вы улыбались, Ваши прелестные ровные зубки обнажались, когда подавали пельмени со щукой. Вы восторженно ликовали, словно ребёнок, я это видел по Вашим искрящимся небесно-голубым глазам, когда на столе появлялся бокал гранатового вина с пузырьками. Ваша ещё совсем юная грудь в этом забавном голубом платице то взымалась с замиранием, то опадала...

А я заказывал рис, только рис и стакан воды, и решительно более ничего, оправдываясь больным желудком и плотным обедом.

Но я искренне любовался Вами в такие моменты, и не было счастливее человека на всём Белом Свете. Настолько было ХО-РО-ШО и БЛАГО-ЛЕП-НО! Я парил в Небесах и одновременно тонул в Ваших бездонно-голубых омутax-глаз. Ваша дрожащая верхняя, чуть выступающая вперёд губка делала Ваш пухлый ротик ещё прекраснее и притягательнее. Я не смел даже мечтать, что когда-нибудь наши уста сольются в обворожительном и трогательном танце. Эта мысль сводила меня с ума... Я отгонял её от себя, словно назойливую муху, дабы не лишиться чувств и не брякнуться прямо у Вас на глазах в тарелку с остывшим, слипшимся рисом.

А Ваша бархатная кожа! Ах! Не прикоснувшись к ней ни разу, я вообразил себе, что она именно бархатная. Какой она может быть ещё у столь прекрасной и обворожительной девы? Белоснежная и почти прозрачная, с синими прожилками. Но они её нисколько не портили, скорее совсем наоборот - обрамляли удивительно резным узором. Моё взбудораженное воображение рисовало, как тёплая, благородная кровь течёт по ним, давая жизнь столь удивительному созданию, которому завидуют на Небесах сами ангелы.

Несравненная Сьюзен, мне хотелось Вас баловать и удивлять. Каждый свой визит к Вам я сопровождал скромным подарком и непременно приносил цветы. Их луговой аромат пьянил и завораживал Вас не менее, чем бокал игристого гранатового вина. Он щекотал ноздри Вашего прелестного тонкого носика и проникал в Вас. И я ревновал. А Вы улыбались, и Ваши белые, слегка кривые, зубки ослепляли меня. Я шурился и смеялся вместе с Вами. В смущении тучно багровел, покрываясь зловонной испариной.

Вместе со своим истосковавшимся по любви сердцем я вручал Вам новые лайковые перчатки или новомодную шляпку. Всё это непременно в крафтовой коробочке из мягкой рифлёной бумаги тишью, перевязанной алой лентой. В знак моей нескончаемой любви к Вам...

И вот сегодня Вы прогнали меня, словно вшивого, незаслуживающего жизни пса. Вы швырнули в меня свой пронзительно-уничтожающий взгляд. Вы хладнокровно велели мне убираться прочь и никогда более не показываться на пороге Вашего дома. Одним самым жестом Вы втоптали в грязь мою любовь, разжевали и выплюнули мою израненную душу.

Да, я виноват перед Вами, Сюзен, смертельно виноват. И нет мне прощения. Вам следовало меня пристрелить, как бесполезно-никчёмное существо. Я этого заслужил...

В последний раз, когда мы виделись с Вами, я водил Вас в театр. Я был самым счастливым мужчиной в зале, находясь подле Вас. Мне казалось, все только и делают, что пожирают Вас взглядом. Как я ревновал, как ревновал!..

Да, Вы были так обворожительны в своём розовом платье, что я Вам подарил накануне. Я и сейчас с великим трепетом вспоминаю Ваши хрупкие, угловатые плечики, тонкую, изящную шейку. Вам нужно почаще делать причёску, чтобы Ваша длинная белоснежная шейка с восхитительной родинкой услаждали мой взор.

Итак, проводив Вас домой, взволнованный и счастливый я возвращался в свою жалкую, кишашую клопами берлогу. Было уже далеко за полночь. Фонарщики потушили улицы, и город, укрывшись зловеще-чёрным одеялом, погрузился в тревожный сон. Извозчики же, покончив с работой, пьяные из трактиров разбрелись по домам, где их ожидали разжиревшие грязные бабы с мозолисто-огрубевшими руками и сопливые, голопопые отпрыски.

Вдруг над головой гигантская невидимая рука полоснула серебряным серпом по животу бугристого неба. Обвисшее пузо судорожно затряслось и оглушительно лопнуло. Тонны ледяной жижи обрушились на дремлющий город, окатив меня с головой.

В мгновение я превратился в грязную намокшую половую тряпку. Пробирающие до костей потоки воды, словно из водосточных труб, струились из моих рваных рукавов и штанин на затягивающуюся льдом мостовую. В то время, как заморозь известью белила плачущие деревья, моё тело судорожно коченело, а зубы отплясывали чечётку.

Хлесткий северный ветер то подталкивал меня в спину своими холодными ручищами, то душил, закрывая ладонями рот и глаза. Я потерял счёт времени и чувство реальности. Я всё шёл и шёл. И не понимал зачем, ведь меня ждала неотапливаемая крохотная, пропахшая клопами коморка, где из мебели была лишь узкая жёсткая кровать и облупившаяся школьная парта, служащая мне кухонным столом и шкафом для моих жалких пожитков. На ней неаккуратной стопой мои рукописи, все исцёрканные и уже пожелтевшие. Местами поплыли чернила, и разобрать написанное уже сложно. С худой крыши барабанит в подставленный таз. Единственное крохотное окно с трещиной посередине сквозит. В мутном сознании дрейфовала одинокая мысль, что дома я не найду облегчения, не найду столь необходимого тепла, чтобы согреться и высушить одежду. Я поскользнулся на ледяной корке и падал на каменную твердь, но я подымался и продолжал идти...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.